

МАРИЯ ШТЕРН

**БАНОЧКА С
БРИЛЛИАНТАМИ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Штерн
Баночка с бриллиантами

«Автор»

2023

Штерн М.

Баночка с бриллиантами / М. Штерн — «Автор», 2023

Ремонт – не слишком прибыльный бизнес, поэтому Ежиков жил весьма скромно с женой и дочкой в квартире тещи и тестя, что доставляло ему большие неудобства. Теща постоянно совала свой нос в дела дочери и зятя, упрекала в материальной несостоятельности. И так продолжалось бы, вероятно, еще очень долго, если бы не случайная находка, которая перевернула всю жизнь Ежикова, и положила начало невероятным приключениям.

Мария Штерн

Баночка с бриллиантами

Пролог

Виталий Александрович Ежиков просыпался долго и тяжело. Вчера он полночи сидел за компьютером: дела, как всегда. Нужно было, наконец, закончить работу. Уже месяц у Виталия Александровича никак не получалось, но вчера свершилось...

– Все же я компьютерный гений, – Ежиков с удовлетворением потянулся... Надо же было добить этих мерзких пришельцев! И он это сделал! Последняя компьютерная игра ему особенно понравилась.

Однако, вставать и даже окончательно просыпаться не хотелось совершенно. Спать уже, конечно, было невозможно – жена собирала дочку в садик, стоял шум, крик и слезы.

– Вот, тварь! – подумал Виталий Александрович с досадой, – не может поскорей собрать Крысу и главное – тихо. (Крысой он ласково называл дочку Леночку).

К общему шуму присоединился визгливый голос тещи.

– Теща еще, сволочь, верещит, блин, – проворчал тихо Ежиков, – достали совсем. Так хотелось сплунуть накопившиеся за ночь сопли! Проклятый насморк совсем замучил, но выйти в коридор Виталий Александрович побоялся – еще попадет кому-нибудь под горячую руку, семейка та еще...

Ежиков стал шарить под кроватью, пытаясь нащупать свою любимую плевательницу, под которую он приспособил стеклянную банку из-под консервов. Как раз для таких случаев. Но банки почему-то не было.

– Придется встать, – мрачно заключил Виталий Александрович, – но где же банка?..

Банка неожиданно нашлась на балконе, и Ежиков смачно и с удовольствием сплюнул.

«Ну вот, день и начался, пора идти на работу», – подумал Виталий Александрович. Жена уже утащила визжащую и упирающуюся дочку в садик. Так было каждый день, садик Леночка ненавидела.

Дома была только теща. Ежиков встал с дивана, оделся, подошел к двери и тихонечко приоткрыл ее. В щелку он увидел, как теща ходит туда-сюда, будто тигр в клетке.

– Зараза, все вынюхивает и высматривает, ищет к чему придраться, даже выйти не дает. Теща внезапно злобно посмотрела на Виталия Александровича, развернулась на пятках и юркнула в свою комнату. Ежиков обрадовался, резво выскочил в коридор и побежал в санузел, потому что терпеть не было сил. Теща меж тем подслушивала, прислонив ухо к двери своей комнаты. Ежиков громко пукнул – пусть слушает, удовольствие получает. Послышался звук открывающейся входной двери. Пришла жена.

Виталий Александрович спустил воду и быстро прошмыгнул в ванную, закрыв дверь на щеколду. Он знал, что жена будет приставать, как всегда, с расспросами и просьбами.

– Надоела, хуже горькой редьки, дура, – недовольно подумал Ежиков, – как я мог на ней жениться...

Жена жарила яичницу. Виталий Александрович вышел на кухню с самым независимым видом – очень не хотелось сейчас вступать ни в какие философские дискуссии, впереди был рабочий день.

Работа была важная и срочная – Ежиков ремонтировал квартиры вместе с другом Юриком, который приходился ему к тому же дальним родственником. Таким дальним, что Ежиков и сам не знал, то ли их прадедушки были братьями, то ли бабушка одного была любовницей деда другого: история темная.

Юрик, между тем, считался в семье кем-то вроде родного брата Виталия Александровича и требовал к себе постоянного внимания и любви. Сам он тоже постоянно проявлял заботу о Ежикове – звонил ежедневно и разговаривал по полчаса, справлялся о делах и здоровье всей семьи родственника. Это было достойно уважения.

Виталий Александрович положил в тарелку яичницу, и стал быстро ее есть, надеясь скорее улизнуть на работу и избежать разговоров с женой. Инка стояла у раковины, скрестив руки, и смотрела на Ежикова с немым укором.

«Сейчас опять начнет ныть, зануда», – мелькнула мысль у мужа.

– Виталик, почему ты, как всегда, не спрашиваешь о моем здоровье, как я себя сегодня чувствую? – с раздражением сказала жена.

Ежикову было глубоко начхать на Инкино здоровье, но он спросил, равнодушно пережевывая яичницу:

– Как ты себя чувствуешь?

– Плохо, очень плохо, – на глазах у жены были слезы. Она уже вторую неделю мучилась запором.

Виталий Александрович подумал, что сейчас начнется нытье и, недоев завтрак, побежал одеваться.

– Ты куда, доешь, или я плохо готовлю? – грозно спросила Инна.

– Что ты, родная, ты готовишь лучше всех, но я очень тороплюсь, сегодня очень ответственный участок работы, скоро сдаем объект.

Ежиков пулей вылетел из квартиры, на ходу завязывая ботинки и куртку, и побежал бегом по лестнице вниз. Очень уж не хотелось опять слушать стоны жены.

Жена Инна была предпринимателем: так было записано в учредительных документах ее фирмы, которая прогорела год назад. С тех пор жена если что-то и предпринимала, то только попытки трепать Ежикову нервы. Нервы у Виталия Александровича были железными, и все попытки были разбиты, как швед под Полтавой.

Зато Инна была настоящей истеричкой с маниакальными идеями. Ей все время казалось, что ее все ненавидят, хотят ей зла и даже преследуют. Кто конкретно преследует, Инка не могла точно объяснить, но в глубине души считала, что это какие-то иностранные спецслужбы, которые, скорее всего, наняты ее матерью.

Такая была веселая у Ежикова семейка. Зато работа – любимая. Виталий Александрович отдавался работе весь без остатка, день пролетал, как одна минутка, часто Ежиков даже не помнил, как доехал с работы домой. Он гордился: сам хозяин своего дела, ответственный работник и руководитель. Юрик был единственным подчиненным, но Виталий Александрович был доволен: он хороший начальник, строгий, но справедливый.

Дверь ремонтируемой квартиры Ежиков открыл своим ключом и очень удивился: на обшарпанной табуретке, на кухне спиной к входу сидел Юрик.

– Вот это служебное рвение, прискакал ни свет, ни заря, но как, ключа-то нет?

Юрик оглянулся на шум и посмотрел на Ежикова мутными глазами.

– А, Вита, ты чей-то ко мне домой с утра? Может, по пивку дернем?

Виталий Александрович подумал, что братец все равно без пива вряд ли сможет понять, где он и что надо делать, да и самого Ежикова мучила жажда, дома даже чай не хлебнул.

– Ладно, топай до палатки, но учти, только по одной.

– Обижаетесь, Виталик, я же знаю, еще на работу ехать.

– Давай быстро, сегодня хозяин вечером приедет смотреть объект.

Ежиков сплюнул от досады, сел на табуретку и решил покемарить минут пять. Разбудил его громкий стук в дверь. Виталий Александрович вышел в коридор и прильнул к глазку – у квартиры стоял Юрик и долбил в дверь ногой. Ежиков открыл дверь.

– Ты чего не звонишь?

– Дык, это... Руки заняты, взял по одной, вот... Да еще одну на всякий случай, – в руках у родственника было две пластиковых полуторалитровых бутылки крепкого пива. Еще одна была зажата подмышкой.

– Ладно уж, заходи, щас хлебнем немного и работать, сам знаешь, дел по горло.

После первого стакана Юрик вспомнил, что вчера он с работы и не уезжал, так и заснул на табуретке.

Ежиков поморщился: как же все обрыдло... Надоело всё и все: жена, теща, тесть, вечно кричащая дочка, а главное – Юрик. Ежиков был абсолютно уверен, что если бы не подельник, он бы давно уже стал бы миллионером или даже миллиардером, но помощник был нужен, а Юрик – человек проверенный. Еще бы, столько пива вместе выпито...

Потом был второй, третий и четвертый стакан, после чего Виталий Александрович понял, что если он не остановится, то работы не будет, хотя работать в одиночку тоже мало-приятно – Юрик отрубился еще после второго стакана на старые дрожжи... Сейчас напарник валялся в углу и сладко спал, иногда вздрагивая и постанывая, как старая собака на солнцепеке.

Ежикову, конечно же, тоже не хотелось работать, но чувство долга было сильнее него.

– Паразит, лишу зарплаты, впрочем, и премии – тоже, а может вообще выгнать?.. Но тут Виталий Александрович опомнился: кто же работать-то будет?

– Ладно, потом решу, что делать с этим козлом, а сейчас – труба зовет, за работу, – мысленно сказал сам себе Ежиков.

Работа предстояла не слишком трудная, но грязная и довольно неприятная. Хозяин решил сделать арку между двумя комнатами, для этого нужно разрушить часть стены. Дом был очень старый, могло показаться, что это начало двадцатого века, но на самом деле, только опытный взгляд определил бы, что это середина девятнадцатого. Перегородка между комнатами была довольно широкой, но Ежиков, как специалист, понял сразу, что внутри стены пустота.

– Странно, – подумал он, – может, у кого-то из прежних хозяев здесь был встроенный шкаф? Ничего не понимаю.

Виталий Александрович постучал по стене, взял инструмент и принялся за дело. Действительно, между двумя слоями кирпича было пространство, в котором запросто мог поместиться человек. Ежиков засунул голову в образовавшуюся дыру и попытался что-то разглядеть, но внутри было темно и сыро.

– Продолжим, помолясь, – перекрестился он. Почему-то стало немного страшно.

Дальше дело пошло быстро, кирпичи прямо рассыпались, наверно это предыдущий хозяин такой дрянной материал закупил по дешевке, сэкономить хотел.

Очень скоро от стены почти ничего не осталось. Ежиков решил построить новую стену потоньше, но попрочнее и в ней уже арку, чем связываться с трухой.

– Вот, понимаешь, люди, один строит, другой ломает, третий... – тут он осекся, – в самом углу что-то чернело. Виталий Александрович опустился на колени.

– Смотри-ка, – говорил он сам себе, – тряпок еще тут накидали! Точно, это те, кто ремонт прежним хозяевам делали, вот придурки, убрать за собой не могли, то ли дело мы...

Ежиков взял тряпку и хотел уже отнести ее в прихожую и бросить в мусор, как вдруг почувствовал что-то жесткое. Он развернул тряпку: внутри была целая горсть стекляшек.

– Ну, это уж совсем свинство, битое стекло кидать людям под руки! Так и порезаться недолго, – ворчал Виталий Александрович, – это дело надо перекурить.

Ежиков вместе с тряпкой и стекляшками пошел на кухню и сел на табуретку у стены. Прямо в лицо светило теплое весеннее солнышко, такое яркое, что хотелось зажмуриться и мурлыкать, как мартовский кот. Прикуривая, все же пришлось открыть один глаз. В самое лицо Виталию Александровичу вдруг брызнул сноп разноцветных лучей.

– Прекрати, Юрик, хорош зайчики зеркалом пускать, – но подельник продолжал спать сном младенца. Сверкание исходило от стекляшек в тряпке.

– Эт-та, эт-та што, – вдруг начал заикаться Ежиков, – это наверно драгоценности, точно, еще с девятнадцатого века остались, тайник.

– А вдруг бандиты какие-то уже сейчас, недавно спрятали свою добычу? – ему вдруг стало страшно, так страшно, что срочно захотелось пива, возможно даже с водкой, для надежности.

Пиво успокоило Ежикова. Уже не хотелось избавляться от добычи. Ежиков решил, что материальное положение семьи надо непременно улучшать и обязательно – с помощью интересной находки. Тогда жена и теща, наконец, перестанут пилить Виталия Александровича за его материальную несостоятельность, а, может, даже памятник при жизни ему поставят. Ежиков был горд собой. От удовлетворения и гордости за себя, он расслабился и задремал.

Под вечер, когда солнце уже садилось, Ежиков проснулся от резкого и непрерывного, длящегося минут этак десять, и бьющего по самым мозгам, звонка в дверь, чередующегося со стуком и громкими разговорами по ту сторону двери. Разговаривали двое – мужчина и женщина.

– Коля, как всегда, послушалась тебя, вот, полюбуйся, опять этих прощелыг нет, гнать их надо в шею.

– Лида, помолчи, это люди проверенные, они Антону такой бассейн забабахали, все олигархи завидовали, правда из бассейна через три месяца вода куда-то утекла, но главное успел всем показать.

– Но, дорогой...

– И не перечь мне!!! – взревел, как раненный мамонт, мужчина, – я лучше знаю, заткнись дура, они наверно работой увлеклись, не слышат.

Ежиков накинул на спящего в углу Юрика свою куртку и пошел открывать хозяевам. Он не мог понять, что происходит, что за тряпка со стеклом в кармане, вспомнил что это – скорее всего брюлики, и решил спрятать их дома до выяснения, особо не надеясь, что они действительно что-то стоят.

– Ну, что, работнички? – хозяин был очень зол, – почему работа медленно продвигается?

– Так, это... – замаялся Ежиков, – процесс идет, – он махнул рукой куда-то вглубь квартиры.

– А это что? – заорал Коля. Лида мрачно подвизгивала, – зачем всю стену снесли? Я же только арку просил!

– Стена старая, сама развалилась, – важно сказал Виталий Александрович, – новую поставим, в ней и арку сделаем.

– Ладно, – примирительно пропищала хозяйка, – только побыстрей, нам жить негде.

Муж наступил ей на ногу.

– И чтоб без фокусов, а то денег не дам, – прорычал хозяин, – а где второй?

– Нет его сегодня, он на симпозиуме строителей, делегирован от нашей фирмы, – почему-то вдруг соврал Ежиков.

– А это что за куча тряпья? – не унимался Николай. Его крючковатый палец был устремлен прямо на сладко спящего под курткой Юрика.

– Где? – Виталий Александрович испугался, что его ложь обнаружат и встал так, чтобы загородить спящее тело напарника.

– Там! – хозяин надвигался на Ежикова всеми своими двумястами килограммами.

– Там – строительный мусор, мы его вынесем вечером, а то сейчас могут того... Оштрафовать, – заплетающимся языком выговорил Виталий Александрович.

– Хорошо, работайте, – хозяйка, вроде поверили и направились к выходу, – дверь закрой за нами.

– Будет сделано, господин генерал, – Ежиков приложил руку к голове, увенчанной шапочкой, сделанной из прошлогодней газеты, и поклонился.

Можно было расслабиться. Юрик продолжал спать сном младенца, посасывая большой палец. Ему Виталий Александрович решил про находку не говорить.

«Перебьется, и так кормлю его, пою за свои деньги, нечего, пусть здесь поспит, может, проснется – поработает. А я – домой. Что – то устал сегодня», – Ежиков закрыл квартиру и двинул домой. Предстояли великие свершения. Их пригласили поработать на благо Родины в славном городе Сочи. Завтра с утра – лететь. Билеты уже лежали в кармане.

Глава 1

Ежиков третьи сутки кружил над Москвой... Он кружил не как птица, нет, и не внутри салона самолета. Виталий Александрович был этим самым самолетом, которому ни один аэропорт не давал посадки, вот ведь какая чертовщина!

– Мама, мамочка!!!! – кричал Ежиков во сне.

– Ежик, проснись, проснись, ты что, что случилось? – Инна тормошила его за плечо, – это всего лишь страшный сон.

Да уж: обман в авиакассах Ярославского вокзала потрепал нервы Виталию Александровичу. Кошмары снились все эти злосчастные три дня. Ежиков крякнул и проснулся.

– Ин-на, – по слогам простонал Виталий Александрович, – воды дай! Плохо мне!

– Сам сходи на кухню, попей, я спать хочу, – жена повернулась на другой бок. Она, вообще, только и делала, что спала. Отведет дочь в садик – и спать, встанет, поест, и – опять спать. Существом она была, практически, бесполезным, но Ежиков ее любил. Да и как не любить – все же квартира...

Своей квартиры у Ежикова не было, поэтому жену он ценил, ну тыщ на триста баксов примерно оценивал. На недвижимость у Виталия Александровича глаз был наметанный – еще бы, столько лет в бизнесе. Жаль, только, что к этому прилагаются еще тесть с тещей. Тесть – еще полбеды – все время огород свой на даче копает, а теща, та постоянно сновала туда-сюда.

Ежиков встал, прокрался на кухню, хлебнул воды, поморщился – вода была невкусной, постоял секунду в нерешительности и открыл холодильник.

«Пиво! Это то, что надо! Ура! Как это оно осталось?» – недоумевал Виталий Александрович, – «Инка не заметила, что ли?»

Жена Ежикова любила заложить за воротник. И закладывала она с завидной регулярностью, причем, останавливалась, только тогда, когда опустошала все бутылки со спиртным в доме. За ней нужен был глаз да глаз. И этими глазами была теща. Уже за одно это Ежиков тещу уважал, да что там любил ее нежно.

«Да-а-а! пусть, пусть Варвара Петровна Инку пасет! А то, скоро в квартире совсем нечего выпить будет. А мне без горячего никак нельзя, у меня работа тяжелая», – думал Виталий Александрович. Он и сам не заметил, как пиво плавно перетекло из бутылки прямо в желудок. Все два литра.

Ежиков думал о том, что сегодня вечером он все же улетит в Сочи и там оторвется, а если получится, то и вовсе будет жить один, ну то есть абсолютно один, целых полгода. Он чувствовал свою ответственность и значимость перед страной, перед народом и президентом. Еще бы: строить предстояло Олимпийский объект.

Он улетел бы три дня назад, но, кассирша – сволочь, не объяснила, что лететь предстоит из Шереметьево, и отправила Виталия Александровича в Домодедово. Пока Ежиков сообразил, что к чему, куда ехать, самолет уже улетел в город у моря. Билет был сдан, куплен новый, но пришлось еще целых три дня терпеть эту адову семейку.

– Виталий, ты что не спишь? – заспанная теща в халате, крадучись, вошла на кухню. Было три часа ночи.

– Попить вышел, – буркнул Ежиков, – а Вы, что не спите? Плохо себя чувствуете?

Теща не ответила, только поджала губы. У Варвары Петровны, как и у Инны, постоянно что-то болело: то нога, то рука, то сердце. Особенно сильно болело, когда, по мнению тещи, ей уделяли недостаточно внимания. Сейчас внимания явно не хватало.

Ежиков отвернулся к окну, демонстративно налил воды прямо из-под крана и стал ее мрачно пить, сначала один стакан, потом – второй. Вода не лезла, но Виталий Александрович упрямо пил, кашлял, кричал, и продолжал пить. Он ждал, когда теща уйдет в свою комнату.

Варвара Петровна не уходила, она тоже тихонько подкашливала и вздыхала, давая о себе знать. Постояв так минут пять, теща поняла, что «этому дураку» все равно на нее наплевать, развернулась на сто восемьдесят градусов, и молча, грустно, подволакивая сразу обе ноги, поплелась к себе.

Ежиков шумно выдохнул. Он постоял еще пару минут у окна и вернулся в комнату. Пиво подействовало как нельзя лучше, Виталий Александрович юркнул под одеяло и положил руку жене на грудь. Инка яростно пнула мужа ниже пояса.

– Как всегда у тебя одни пошлости на уме! Лучше б слова какие нежные сказал, – пробормотала она сквозь сон.

Ежиков охнул и согнулся, однако, сквозь нахлынувшие слезы прошипел на автомате:

– Инночка, солнышко! – это была его любимая фраза. Ежиков задумался и добавил, – все хорошо, – перевернулся и заснул мертвецким сном.

Пробуждение было тяжелым. Ежикова мяли, били, кидали в него какими-то непонятными предметами.

«Меня пытаются!» – было его первой мыслью, – «Это за брюликами пришли. Черт, а я и не спрятал их. Так и валяются в тряпке на балконе».

Виталий Александрович медленно и с ужасом приоткрыл левый глаз. Очень хотелось открыть и правый, но он не открывался.

«Уже покалечили», – мрачно констатировал Ежиков, пытаясь разглядеть обидчиков, но увидел лишь Леночку.

– Папка проснулся! Ура! Ты, пап, спишь долго, уже семь часов, вставай, давай! – дочка обкладывала отца игрушками, подушками и кукольной посудой. На груди у Ежикова стояла сковородка – Леночка жарила яичницу для кукол.

– Лена, что со мной? Где мама? – Виталий Александрович попытался встать, но не смог. Глаз тоже не открывался.

– Ты, папуль, упал, ударился, я тебе глазик полечила, заклеила его пластырем, ноги забинтовала. Полежи, отдохни, – хитро улыбнувшись, доложила дочка, – а мама в моей комнате спит, а бабушка, – Лена сделала большие глаза, – сказала бабушке утром, что ты – пьяница.

– Сама она! – взревел Ежиков, странно дернулся и сел в кровати, сорвал пластырь с глаза вместе с бровью и увидел, что ноги его связаны тремя шарфами.

Он дрыгал ногами, пока шарфы не развязались. Виталий Александрович вскочил, больно ударился мизинцем ноги о ножку кровати и завертелся, как «волчок». Минут через пять, Ежиков перестал крутиться, огляделся в поисках штанов, взгляд его остановился на кресле. Там...

Виталий Александрович даже зажмурился от ужаса... Там лежала выпавшая из кармана тряпка с кладом. Глаза Ежикова забегали, мысли его замерли, как бы, выжидая, и тоже помчались вскачь.

«Надо это срочно прятать, я улетаю на неделю. Теща вездесущая, найдет клад, шуму будет! Но куда?» – тело Виталия Александровича совершило полный оборот вокруг своей оси, и взгляд его остановился на стоящей под креслом его любимой баночке, куда было так приятно сплевывать накопившиеся за ночь сопли.

«О! Точно! Сюда никто заглядывать не будет! Надо только, чтобы банку не выкинули. Ничего, я ее изолянткой заматаю и напишу, что это... это...» – Ежиков мучительно задумался, –

«Что это очень ядовитый химический реактив, нужный мне в работе», – лицо Виталия Александрович осветилось широкой улыбкой от осознания своего недюжинного ума.

«Да, не каждый сможет такое придумать. Я – гений», – без ложной скромности подумал Ежиков.

Он прислушался. На кухне теща с тестем ругались. Они ругались ежедневно и ежечасно, это стало у них доброй привычкой. Видно было, как супруги сильно любят друг друга.

– Дура! – орал тесть, – какого... ты выкинула на помойку газеты за 1972 год? Они мне очень нужны, там важная информация.

– Они лежали и пылились, ты годами их не просматривал, – теща с утра уже успела выбросить не только газеты, но еще и пару завядших кактусов и старую дверь, принесенную как-то Ежиковым с очередной стройки.

– Годами не просматривал, потому что ждал сегодняшнего дня, сегодня... – тесть задумался, что же именно произошло, как вдруг неожиданно сказал, – сегодня тридцать пять лет со дня написания статьи в этой газете, или сорок, я не помню, а ты!!! – он опять заорал, как разъяренный бизон.

Тесть был человеком южных кровей, грузин, по фамилии Мышидзе. Весь его темперамент, впрочем, проявлялся только дома. Он кричал и ругался с женой и дочерью. Зятя уважал, хотя и не одобрял во многом, но считал, что на мужика орать нельзя.

Григорий Константинович уважал не только зятя, но более всего – родного сына. У Инки имелся брат, Арсений, которого Ежиковы недолюбливали, поскольку, тот жил одной мечтой – оттяпать часть их квартиры. Хотя, имел свою.

У Сени была семья – жена, привезенная им откуда – то из Забайкальских степей тихая, но хитрая татарочка Валя и две дочки – Ляля и Маня. Внучек тесть обожал, он обожал бы их больше всего на свете, если бы не его одна, единственная любовь на всю жизнь – товарищ Сталин, портреты которого были развешаны по всей квартире, а также на даче.

Маленькие фотографии любимого лежали у Григория Константиновича в кармашке портмоне, чтобы можно было в любое время и в любом месте, достав кошелек, полюбоваться на великого вождя. С товарищем Сталиным тесть разговаривал, приняв грамм сто почти неразбавленного спирта, советовался, как поступить, и сетовал на нынешнюю жизнь.

Иосиф Виссарионович относился к этому с пониманием – выслушивал, кивал головой, соглашаясь, и даже подмигивал, когда Мышидзе выдавал особо интересные идеи. А в особых случаях даже говорил: «Правильной дорогой идете, товарищ!» Одобрение Сталина придавало Григорию Константиновичу уверенность в завтрашнем дне.

Ежиков схватил тряпку, баночку и вышел на балкон. Там он быстрым и уверенным движением высыпал камни в баночку. Сопли забулькали и запузырились.

«Ну вот, ничего не заметно, совсем ничего», – с удовлетворением констатировал Виталий Александрович.

Он закрыл банку, крепко замотал изоляцией и прилепил надпись: «Кислота! Не трогать! Не вскрывать!» Банку Ежиков спрятал на балконе, в шкафу с инструментами. Туда никто не сунется, это уж точно.

Виталий Александрович прислушался: тесть с тещей прекратили кричать и стали собираться на дачу, копать огород. Когда дверь за ними, наконец, закрылась, Ежиков решил подремать немного в их комнате, уж очень он не выспался.

Он включил Леночке телевизор: как всегда утром в субботу показывали мультики. Дочка сразу же уставилась в экран. Можно было смело идти отдыхать. Только Виталий Александрович опустил голову на подушку, как раздался визг. Это буянила соседка. Она раз в неделю выгоняла мужа из квартиры, грозясь никогда больше не пустить обратно. Тот покорно ночевал на коврике перед дверью, на лестничной площадке. Соседи были алкоголики со стажем, далеко не в первом поколении.

«Поспать не удастся», – подумал Ежиков, вышел в прихожую и приник к глазку.

– Убивают! – голосила соседка. Она в стрингах и в майке выскочила из квартиры с каким-то свертком в руках и изо всех сил швырнула в мужа, который еле успел увернуться. Раздался грохот. По полу полетели осколки керамической плитки, – я... шас милицию вызову, пусть тебя посадят, – заплетающимся языком сказала соседка и стала набирать номер.

«Когда же это кончится?» – подумал Ежиков. Впрочем, все уже кончилось. Соседка, не успев набрать номер, как-то сникла, смачно плюнула в сторону удаляющегося мужа и запела:

– Танцуй, Россия, и плачь, Европа, а у меня самая, самая, самая красивая опа, – при этом она покачивала соответствующей, почти голой, частью тела.

«Да, уж, опа, так опа, не дай бог», – подумал Виталий Александрович. «Опа» была огромная и целлюлитная.

Ежиков вернулся в комнату. Все же ему удалось немного поспать. Проснулся Ежиков за час до выхода из дома, быстренько оделся. Он был готов к поездке.

– Инна! Я поехал! Вернусь через два три, может, через неделю, как пойдет, – Виталий Александрович поцеловал жену и дочь. Инка заплакала.

– Виталик, я буду скучать, – жена всхлипывала и шмыгала носом. Еще бы, теперь все заботы о дочке лягут целиком на нее. А ведь у Инны времени катастрофически не хватало – надо и сериалы все пересмотреть, и в социальных сетях полазить, поиграть на компьютере, опять же надо. Особенно беспокоила новая игра – виртуальный аквариум. Рыбок нужно кормить, чистить воду, следить, короче, сплошные заботы.

Когда по недосмотру какая-то рыбка погибала, день у жены Ежикова был испорчен напрочь, она час, а то и два безутешно рыдала, потом надевала, в знак траура, черную блузку и мрачно шла на кухню, приготовить что-нибудь поесть. Готовила Инка вкусно и с удовольствием. Особенно хорошо получалось отварить сосиски или пельмени. Яичницу Инна тоже очень уважала.

– Ну, ну, не плачь, дорогая, все будет хорошо! – Ежиков даже зажмурился от предчувствия свободы, – я скоро вернусь, а если получу заказ, – все втроем уедем в Сочи. Виталий Александрович махнул рукой и растворился.

Пока мужа нет, Инка решила немного поработать. Человек она была творческий: любила рисовать, писала стихи, вышивала крестиком. Жена Ежикова всегда говорила:

– Вся эта работа – не для меня! Я хочу прославиться! Я гениальна, как все депрессивные личности!

Насчет гениальности, это был, конечно, вопрос интересный, но ничем не подтвержденный. А вот депрессии – это факт. Инка всегда была чем-то недовольна. То соль несоленая, то сахар несладкий.

Сейчас у Инны была цель – она писала книгу. Всем родственникам жена Ежикова твердила, что «кропает нетленку». Очень Инне хотелось, несмотря на свое, чисто техническое, образование (она была инженером-конструктором) стать классиком русской литературы.

«Нетленка» кропаться никак не хотела. Буквы не складывались в слова, а слова – в предложения. Инна написала полстраницы и стала раскладывать на компьютере пасьянс. Пасьянс тоже не складывался.

«Что за черт!» – подумала жена Ежикова, – «Так хотела поработать в спокойной обстановке, ан нет...» Под ногами вертелся кот, просил еды. У Инны сразу же родилось стихотворение:

Котик наш, как крокодил –

Тонну жрачки проглотил.

«А что, вполне», – удовлетворенно подумала Ежикова, – «Если не прозу, так уж книгу стихов напишу обязательно. Детских», – она потянулась и решила: – «Все, хватит работать, устала».

– Леночка! Пойдем, на дачу прогуляемся, – позвала она дочку.

Дача была буквально в двух шагах от дома – то есть минут двадцать пешком или пара остановок автобусом. На автобус у Инны, конечно же, не было денег, а если и были, то тратить их не хотелось.

«Лучше пивка выпью по дороге», – решила Ежикова. Солнце припекало, весна была в самом разгаре. Инна тащила за руку Леночку и смачно прихлебывала пиво из банки. Жизнь казалась просто прекрасной. Даже то, что рядом нет мужа, не расстраивало, а скорее, наоборот, вдохновляло. На даче, неожиданно, оказались в сборе все родственники, включая брата Арсения с семьей.

«Вот, черт! Хотелось отдохнуть, а тут...» – жена Ежикова пригорюнилась. Видеть не хотелось никого, но не уходить же так вот, сразу.

– О! Инночка, Леночка! Проходите! – Варвара Петровна обрадовалась, – скорее к столу! У меня блины успели! Ты же сама-то готовить ленишься, а ребенку нужна здоровая пища.

– Мама, опять ты, как всегда! Я нормально готовлю, а эти – что здесь делают? – Инна кивнула головой в сторону брата с семьей.

– Дочка, ты что, не помнишь? У нас сегодня шашлыки, в честь нашей дружбы! – из-за кустов появился отец, – мы же договорились, я думал, ты специально пришла?.. – Григорий Константинович выглядел разочарованным.

– Нет, мы, пожалуй, пойдем! Выпейте за здоровье товарища Сталина, пап! – Инка направилась к калитке и потащила за собой упирающуюся Леночку. Дочка уходить не хотела ни в какую.

– Мама! Давай останемся! – громко крикнула девочка, – водочки попьем!

Все присутствующие онемели.

– Вот, чем вы со своим Ежиковым занимаетесь – водку хлещете, – запрочитала Варвара Петровна.

– Мам, о чем ты, какая водка? – удивилась Инна, – так литра по два-три пивка перед ужином, не больше, что нам, здоровья не жалко?!

– Инна! Оставайтесь, без разговоров! Как раз у меня водка, твоя любимая! – отец потянул Ежикову за руку вглубь сада. Инна подумала, что водка на пиво ляжет отлично, как раз настроение улучшится, а то что-то тоскливо.

Все сидели на скамеечке и ждали, когда поспеет шашлык. Тем временем глава семьи, Григорий Константинович Мышидзе налил всем водки и произнес тост:

– Как хорошо, что мы здесь собрались! Эта традиция должна продолжаться долгие годы! Давайте, выпьем за дружбу, за нашу семью! Ура!

– Ура! – прокричали остальные, хоть и изрядно скривившись, нет, не от водки, а от неприязни к ближнему. Но выпитое сделало свое дело – родственники заулыбались друг другу, будто, и правда, были рады встрече.

– А теперь – святое! – Мышидзе постучал ложкой о неизвестно откуда взявшуюся алюминиевую миску, – все вы знаете, что если бы не... – Григорий Константинович сделал паузу. Все вздохнули, – если бы не товарищ Сталин! – Мышидзе поднял вверх указательный палец, – впрочем, вы все и сами знаете! Какой выдающийся был человек! Сейчас таких нет! Ворье одно! За товарища Сталина! Ура!

– За Сталина! – прокричала, уже изрядно подвыпившая, Инна, – если бы не он, у тебя не было бы нас!

– Да! – повторил Григорий Константинович, и вдруг запнулся, осмысливая сказанное, – то есть как? Варя! Наши дети, что – от товарища Сталина? – недоуменно спросил он у жены.

– Гриша, она шутит, – пояснила Варвара Петровна, – шу-тит, понимаешь?

– Не смей шутить тем, что свято всей стране!!! – Мышидзе разошелся, – живешь на всем готовом, за мой счет! Без меня вся ваша семейка по миру пойдет! Кормлю вас, пою, одеваю! Вот, времена начались! А раньше-то все было и стоило копейки.

«Ну, завел шарманку», – удрученно подумала Инка, – «Пожалуй, пора идти, тем более, пить уже нечего», – она быстро опустошила пару недопитых рюмок, зажевала салатом и встала.

– Ладно, всем – пока, пойду, попрощаюсь со Сталиным, и мы пойдем.

Инна направилась в туалет. Полуразвалившийся, без света, с торчащими из досок во все стороны гвоздями, он был примечателен тем, что внутри висел огромный, во всю стену, портрет вождя. Казалось, товарищ Сталин следит, чтобы процесс опорожнения мочевого пузыря и кишечника происходил правильно, к тому же, надо ведь кому-то присматривать, чтоб туалетную бумагу расходовали экономно.

«Вот, видите, Иосиф Виссарионович, до чего мой отец докатился», – мысленно констатировала Инна, – «Вы уж вразумите его, пожалуйста, мочи нет терпеть!»

Сталин подмигнул и сказал:

«Не волнуйся, Инна! У меня все под контролем, можешь спокойно идти домой!»

Ежиковы уже, было собралась уходить, как вдруг, Леночка спросила:

– Дедушка, а ты кого больше уважаешь – Ленина, или Сталина?

– Ну, я даже не знаю, – дед растерялся, оба, конечно... – он не знал, что ответить.

– Мам, а ты? – спросила дочка.

– А я – Джорджа Буша, – совершенно искренне ответила Инка. Она как раз вчера увидела по телевизору репортаж про бывшего президента Соединенных Штатов, как тот обрелся наголо, чтобы поддержать больного лейкемией маленького сына одного из своих охранников, и страшно зауважала его. Собственно, было за что. Но, отец, похоже, не разделял ее мнение. Мышидзе скривился.

– Все под Запад прогибаетесь, ну-ну... – зацокал он языком.

Инна решила, что лучше будет поскорее уйти.

– Пока, мам, пап, мы пойдем! Товарищ Сталин передавал тебе привет, папа! Сказал, чтобы ты не очень напивался!

– А я что? Я не пью вообще, ты же знаешь! – Мышидзе спрятал бутылку за спину, – это, вон, мать твоя, каждый день пьяная валяется.

Варвара Петровна оскалилась. Только присутствие невестки помешало ей сказать все, что накопилось за долгие годы совместной жизни с мужем. А невестка, казалось, только и ждала надвигающейся ссоры и коварно усмехалась, для виду опуская глаза вниз.

Жена Ежикова решила, что ловить на даче более нечего, и пошла домой

Инна, вернувшись, позвонила мужу. Было еще совсем не поздно.

– Ежик! Как твои дела?

– Отлично! Скоро приеду, здесь для меня работы, похоже, нет, так что увидимся через несколько дней, не скучайте! Посмотрю, впрочем, еще пару объектов, вдруг что...

«А жаль», – подумал Ежиков. Он, конечно, скучал по дочке, но жену видеть не хотелось. «Опять начнется. Слезы, сопли, как же все надоело». Хотя слово «сопли» напомнило ему о чем-то очень важном, о том, что может изменить его жизнь.

Но возвращаться Виталий Александрович, пока не собирался.

«Зря я, что ли, тащился за тридевять земель, чтоб сразу обратно? Э, нет, побуду еще тут несколько дней», – решил он.

На Черноморском побережье было хорошо. Конечно, само море еще холодное, но зато, воздух! Было почти жарко, хотя еще и не сезон. Ежиков сидел на пляже и пил пиво. Волны плескались о берег, а пиво – в желудке. Было тепло и радостно. Только, возвращаться домой категорически не хотелось, однако, работа ждала.

Ежиков от огорчения, что скоро все закончится, даже закурил, закашлялся, сплюнул и в этот самый момент, опять вспомнил о бриллиантах.

«Надо оценить, хотя бы один, может, продать получится, тогда...» – Виталий Александрович представил себя на огромной белой яхте с бокалом шампанского в руках и ощутил запах моря.

Реальность была не так прекрасна – море, правда, присутствовало, только Ежиков сидел на пустынном еще пока берегу, с бутылкой пива. Неподалеку какой-то рыбак отвязывал старенькую весельную лодчонку, намереваясь выйти за уловом.

– Эй, отец! Покатай на лодке! – Виталий Александрович воодушевился.

– Плати деньги, покатаю, только у меня – дорого, – ответил рыбак.

– Бери, я не жадный, – Ежиков отсчитал деньги и полез в лодку.

Жизнь казалась прекрасной. Виталий Александрович пил пиво, подставлял лицо солённому морскому ветру и мечтал. Старик тем временем занимался своим делом, довольный, что удалось найти еще и приработок. Рыба шла косяками, ее было очень много, рыбак сваливал улов прямо в не слишком большую лодку.

Так, довольно скоро, задремавший от разморившего его морского воздуха, Ежиков, оказался, со всех сторон, окруженным рыбой. Ему снились яхта, море, прекрасные женщины. Одна, даже поцеловала его в щеку, потом в шею. Ежиков тоже начал целовать красавицу, как вдруг, почувствовал носом какую-то вонь.

«Ну и духи у Вас, мадам!» – возмутился во сне Виталий Александрович.

«Это последние тенденции Парижской моды», – ответила девица и погладила Ежикова по руке. Прикосновение было липким и влажным.

«Вспотела, что ли?» – мелькнула сквозь сон мысль. Вдруг лодку качнуло, и Виталий Александрович проснулся. Он был по самые уши в рыбе. Ежиков передернулся и стал стряхивать с себя то, что еще можно было стряхнуть.

– Может... Обратно? – осторожно спросил Виталий Александрович

– Обратно – через пару часов, у меня – работа! Катай тут вас – бездельников, – заворчал рыбак.

– Поворачивай, давай, я заплатил! – Ежиков встал, лодка закачалась.

– Тише, поверну сейчас, сядь только, а то перевернемся, – старик перекрестился.

Но Ежикова понесло. Он уже не мог остановиться.

– Поворачивай! – орал Виталий Александрович, как загарпуненный кит, – не могу больше нюхать твою тухлятину!

– Какую еще тухлятину? Рыба только что из моря, пять минут назад плавала, – пытался урезонить дебошира старый рыбак.

– Ничего не знаю! Я платил за прогулку! Давай, к берегу рули! – Ежикова тошнило от запаха рыбы, он наклонился за борт лодки и сам не заметил, как очутился в воде. Вода была холодная и тоже, почему-то пахла рыбой.

– Держи весло! – кричал рыбак, – вот, угораздило меня с дураком связаться.

– Сам... – попытался что-то сказать Ежиков, но только наглотался соленой морской воды.

Он смог-таки забраться назад в лодку и теперь сидел тихо, зарывшись в рыбу. Ему было сыро и холодно. И это только все больше утверждало Ежикова в мыслях о продаже пусть не всех, но хотя бы одного бриллианта.

«А то так и просижу всю жизнь в дерьме», – констатировал Виталий Александрович, – «Только надо это делать аккуратно, чтобы никто и ни о чем не догадался».

На берегу Ежиков попросил у старика какую-нибудь одежду, сходить за сумкой в гостиницу.

– На, вот, тут мои старые вещи, можешь не возвращать, все одно, выкинуть собирался, да руки не доходили, а теперь уж что... – старик отвел Виталия Александровича в свой домишко на берегу, залез в сундук и протянул какие-то вещи.

Ежиков скинул мокрую, скользкую, покрытую рыбьей чешуей одежду, кое-как обтерся и стал одеваться. Рубаха была без пуговиц и вся в мелкую дырку, будто простреленная дробью, штаны едва прикрывали колени и тоже были порваны в нескольких местах. Зеркала в комнате не имелось, потому Ежиков не смог оценить свой вид, понятно, что не ахти, но дед-рыбак одобрительно зацокал языком.

– Отлично! Как на тебя сшито! Носи, не стесняйся, а свое оставь, может, я отстираю, буду в море выходить, а то и выброшу.

Виталий Александрович шел по городу в рваной рубахе и дырявых штанах на голое тело. Люди оглядывались, кое-кто даже покрутил пальцем у виска, когда Ежиков вошел в холл гостиницы, но все остальные вещи находились в номере, в который еще нужно было попасть. Виталий Александрович с самым непринужденным видом подошел к стойке и попросил ключ от номера.

– Мужчина, Вы вообще, соображаете, куда пришли? У нас приличное место, а у Вас, простите, зад неприкрыт. Я сейчас полицию позову.

– Но мне необходимо попасть в свой номер. Со мной несчастье произошло, я чуть не утонул, – Ежиков выдавил из себя слезу, – вещи испорчены, мне дали одеться в это. Вот, смотрите, – он протянул мокрую измятую карточку гостя.

– Ладно, только быстро, – женщина рассмотрела бумажку и как-то брезгливо кинула ключ от номера – действительно, с кем не бывает.

Ежиков схватил одной рукой ключ, другой – прикрыл дырку, которая, и правда, открывала почти всю его попу, и попятился к лифту, спиной нажал кнопку и стал ждать. Вскоре лифт остановился на первом этаже, оттуда выпорхнула стайка молодежи в спортивных костюмах и ошарашено уставилась на Виталия Александровича.

– Вот это да! Правильно мне отец говорил, здесь хороший отель, одни знаменитости останавливаются! Киношники всякие! Это же N, ну его все знают... Он в гриме, сейчас как раз в городе съемки боевика идут, – одна из девушек назвала фамилию очень известного актера.

Ежиков слегка обалдел от такого заявления, но выпрямился, расправил плечи, и перестал закрывать дырку в штанах. По своему этажу он продефилировал гордо, не обращая внимания на выпученные глаза дежурной. Когда взгляд стал совсем уж пристальным, Виталий Александрович улыбнулся, как голливудская звезда, во все свои тридцать два белоснежных зуба (а за зубами Ежиков тщательно следил) и небрежно бросил, как бы в пространство:

– Ох уж, эти съемки, совсем замотался, поклонники одолели. Что смотрите, мадам? – спросил он у дежурной, – автографы сегодня не даю, завтра приходите, устал, отдыхать пойду. Женщина проводила его странным взглядом со смесью удивления и восхищения. Она уже поняла, что это кто-то очень знаменитый, но кто именно?..

Глава 2

В то же самое время Стэнли Рэббит (rabbit – англ., кролик) сидел у себя в пивном баре и расстреливал таракана из пневматического пистолета. Таракану все время удавалось уйти от обстрела – то ли стрелок был плох, то ли таракан – слишком шустрый. Уже два года Стэнли был хозяином этого бара на Среднем Западе. Он надеялся на хорошую прибыль, хотел, наконец, покончить со своим темным прошлым, но прибыли почти не было. Городок – захолустный, к тому же пиво разбавлять нельзя – шериф бдил... Ежедневно, ежечасно и ежесекундно.

Вот и сейчас, стоило лишь вспомнить, появился Большой Стэн – по злой иронии судьбы шерифа тоже звали Стэнли. Соответственно, к огромному огорчению Рэббита, его все звали

Маленький Стэн, что немало огорчало последнего, поскольку, он недавно увеличил свое мужское достоинство.

«Неужели у шерифа еще больше? Да, понятно, что мои прежние десять сантиметров малы, но сейчас?!» – думал владелец бара и не находил ответа.

– Привет, Стэн, – в заведение вошел соперник, – как дела?

– Хреново, шериф, скоро прогорю, наверно... Посетителей совсем нет, – Стэнли Рэббит был удручен.

– Ничего, сегодня же понедельник, люди работают. Посмотри – к четвергу все изменится, ну-ка, налей мне своего, фирменного, горло промочить.

Так повторялось каждый день.

«И как меня занесло в эту чертову помойку?», – не переставал сокрушаться Стэнли.

Стэнли Рэббит не всегда именовался именно так. Когда-то Григорий Зайцев, известный в России контрабандист, промышлявший торговлей драгоценными камнями, прозванный за свою хитрость и оборотистость Гришка-Лис, решил завязать с криминалом и податься в Соединенные Штаты. Именно там, по его глубокому убеждению, было сосредоточено все мировое счастье.

Григорий мечтал об Америке, как ребенок. Он спал, и видел себя, наконец-то хозяином собственного, обязательно весьма успешного бизнеса. Может, даже он стал бы продавать мороженное или леденцы, все равно что, лишь бы в Штатах. Его непосредственный партнер, Гена Волков, который велел всем называть себя «Волк», однако, прозванный за глаза Крокодилом, был против.

– Только здесь, и только так, мы сможем иметь баблосы, Гриша! Не будь идиотом! Камушки – дело верное! А там, – махнул рукой Гена куда-то в сторону, – еще и налоги платить будешь.

– Крокодил! Ну что ты, как тупой!? Давай, завяжем, ты можешь тут оставаться, а я – только в Америку. Я там в прошлой жизни жил, я уверен, потому и тянет, – спорил Григорий.

– Нет, я без тебя не смогу, весь бизнес на тебе замыкается. И не пробуй даже! А то... – Гена показал пистолет, – расстреляю на месте.

Но Григорий решил не сдаваться. Деньги всегда проходили через него. И вот, однажды, Гриша перевел всю наличность на карточку и подался-таки, в Штаты. Только последнюю партию алмазов реализовать не успел. Пришлось припрятать в стене своей квартиры, присматривать за которой он поручил любовнице, Евгении Семеновне, в которой был уверен.

Но напрасно. Евгеша работала в домоуправлении, за что получила нехитрое прозвище Жека из ЖЭКа. После отъезда Григория Жека целый год сдавала хату гастарбайтерам и стригла купоны. Возможно, так продолжалось бы и дальше, но...

Крокодил был не намерен прощать подельника. Он имел намного больше средств, чем Гриня, и нанял людей, чтобы отомстить и вернуть средства.

Григорий в Соединенных Штатах, поначалу, осел в Вегасе, купил поддельные документы на имя Грэгори Фокс (fox – англ., лиса). Хотелось оторваться, за все свое бедное детство и беспутную юность, и Гришка стал играть. Он проиграл все, что было, так, оставил несколько сот тысяч на жизнь, а остальное проиграл, с каким-то бешеным остервенением, как бы мстя бывшей Родине за свою неудавшуюся судьбу.

Когда стало известно, что денег нет, возвращать нечего, Крокодил, без тени сомнения отдал приказ ликвидировать бывшего подельника. Под машину Григория была подложена взрывчатка, однако, по счастливой, для него случайности, парень в тот день был мертвецки пьян, и одолжил тачку случайному приятелю, тоже игроку казино.

Прогремел взрыв. Гриша перекрестился, и понял, что дело пахнет керосином. На последние деньги он поменял документы. Теперь его звали Стэнли Рэббит. Полгода новоявленный Стэнли жил в приюте для бродяг, он отрастил усы, бороду и стал совсем неузнаваем. Послед-

ним шагом был переезд в забытый богом захолустный городок, где Гриша намеревался провести остаток своих дней.

Был куплен пивной бар – давняя мечта Григория, впрочем, будем именовать его далее, Стэнли, чтобы не запутаться.

«Теперь заживу!» – думал парень, но ошибся. В Америке налоги огромные, люди экономят деньги, поэтому средства таяли, как снег в начале апреля. И Стэнли решил, что пора возвращаться в Россию, чтобы разжиться оставленными в своей квартире бриллиантами.

«Благо, надежному человеку жилплощадь в присмотр оставил, Жека не подведет. Главное, чтобы никто не узнал!» – думал Рэббит.

Однако, Евгения Семеновна, была не так проста. Через общих знакомых, среди которых был и небезызвестный Крокодил, женщина узнала, что бывший любовник почил. В тот же день, Евгеша, поставив за упокой души любимого самую дорогую свечу в местной церкви, хотя она и никогда не была верующей, решила квартиру загнать по самой высокой цене.

Подделать документы для нее не составляло труда. Так квартира была продана совсем недорого новым хозяевам – супругам Николаю и Лидии, которые решили тут же сделать новомодную перепланировку. Так Ежиков и нашел бриллианты, о чем мы уже знаем.

– Женечка, душа моя! – раздался звонок в квартире Евгении Семеновны, – я скоро приеду, подготовь хату. Ну, там, уберись, еды купи, ключи кинь под коврик, я заберу. И не светись, за мной могут следить.

– Кто это? – Женечка испугалась. Этого не могло быть, просто невозможно. Она была женщиной разумной, и понимала, что с того света, будь то рай или ад, позвонить невозможно, значит... Значит... К горлу подкатила тошнота.

Гришка жив! Боже! Как же быть?! Выход был один: звонить Крокодилу, ведь только Генка мог сделать так, чтоб бывшего Женькиного любовника не было.

– Крокодил! Гриня едет! – Жека задыхалась.

– Тихо! Не кипешуй! Ошиблась ты! Гришку замочили, за все давно уплачено! – промычал Гена, – и сколько тебе говорить, что я не Крокодил, а Волк.

– Ладно, Гена, мне без разницы! Что делать-то? Я хату продала, меня Лис убьет! Я ж думала, он – мертвый, а оказалось – живехонек, мать его так!

– Подожди, Жека! Если он едет сюда, значит, у него тут интерес есть! То есть, может, бабло где-то спрятано? Буду следить за ним. Давай, подруга, пока, не кашляй!

– Геночка, милый! Помоги! – Евгения Семеновна пустила слезу, – что насчет квартиры-то сказать?

– Евгеша, купи Грине новую хату! Я же знаю, у тебя денег до хрена, а если не хошь трагиться, то выдели из своего фонда – ну, которые спились, или кого выселили за неуплату, а там разберемся. Я Григория, по-любому хлопну, за мной не заржавеет. Гулять ему осталось пару недель. Обещаю.

Евгения Семеновна всхлипнула и задумалась:

«Придется теперь около квартиры дежурить. Вот ведь, незадача». Она наvertsела котлет на два дня, залила в термос чай, напекла пирожков по-быстрому, оделась попроще, и отправилась следить за подъездом.

Куда поселить бывшего любовника было, вариантов пять, не меньше, а вот, как объяснить, почему, ответов пока не находилось.

«Жаль, не знаю, когда он приезжает, буду теперь тут в засаде сидеть, а у меня – работы полно», – думала расстроенная Евгеша. Работы, и впрямь, было море. Вечером обещали принести взятку, да не одну.

«Ладно, подумаешь, пару-тройку сотен тысяч недополучу, – мелочь. Главное – с Гришкой разобраться. Кто бы мог подумать, что этот гаденыш такой живучий», – Жека ненавидела Зайцева – ей всегда хотелось замуж, но Гриша жениться отказывался категорически.

– Ты, Жека, похудей, сначала, слишком толстая, – как-то оскорбительно констатировал любовник, – а еще – добрее быть надо, о как! – Григорий подмигивал, зло прищуривая глаз.

– На себя посмотри! – парировала Евгения Семеновна. Смотреть, действительно, было не на что: любовник был маленького роста, худой, как палка, плешивый, вечно кашляющий, то ли от сигарет, то ли от хлипкого здоровья. Да еще пресловутые десять сантиметров, которые в Америке благополучно трансформировались в двадцать пять, но Евгеша об этом пока не знала.

А бывший Григорий, нынешний Стэнли, был уже готов осчастливить, не только ее, но и всю Россию, вновь приобретенной, но пока еще неиспробованной мужской гордостью. В Штатах любой неосторожный взгляд в сторону женщины мог быть расценен, как домогательство. Стэну лишние проблемы были ни к чему, поэтому он хранил свою драгоценность до лучших времен.

«Ох! Отымею я Жеку! Благо – есть чем!» – возгордился собой Стэнли, и в предвкушении, вспомнил необъятный мягкий, колыхающийся при каждом шаге зад Евгении Семеновны. Впереди маячило счастье – огромное и бесконечное, дело оставалось за малым – поехать и забрать его там, на бывшей Родине, ставшей уже чужбиной. Было страшно, но, в то же время приятно, что скоро все – и бриллианты, и зад Жеки будут принадлежать ему одному, Стэну, но, нет, вовсе не маленькому, а большому Стэну.

«И тогда я уеду куда-нибудь, может, в Нью-Йорк, или в Сан-Франциско, а лучше – вообще, на Гавайи, но играть больше – ни ногой!» – решительно подумал Стэнли Рэббит, – «Главное, чтобы Крокодилу на глаза не попасться. Хотя, он-то думает, что я сдох. Так что, мне и карты в руки».

Третьи сутки Евгения Семеновна караулила у подъезда. Она не знала, когда прилетает Гриша, не было у нее ни номера телефона бывшего любовника, ни номера рейса его самолета. Евгеша тоже не знала, потому приходилось шифроваться. Дворник Ахмед заметил кучу тряпья неподалеку от подъезда. Он пнул мусор ногой. Куча, внезапно, оказалась жесткой и зашевелилась.

– Эй! Ты чего тут? – Ахмед заметил человека, – давай, топай отсюда! А то я позову милицию, то есть, полицию!

– Тихо, не шуми, – возмутилась Жека, – иди, давай, не мешай!

– Евгения... Семеновна? – удивился Ахмед, – какого х... Ой! Простите! Что Вы здесь делаете? Да еще в таком виде?

– Ахмед! Прекрати материться, да чеши отсюда! – Жека разозлилась, и задумалась, что бы поправдоподобнее соврать, – я тут... Злостных неплательщиков отслеживаю. Приходится прятаться, мать их. Иди, не отсвечивай.

Дворник ушел. У Евгении Семеновны отлегло от сердца. Но сколько же еще ждать, было неизвестно, но Жека была готова даже к самому худшему.

«Буду ждать, пока лето не наступит! Или осень. Зима?» – на последнем пункте решимость дамочки слегка поколебалась, но страх все же был сильнее.

Стэнли Рэббит сошел по трапу самолета на бывшую еще недавно родной, но уже чуждую его сердцу землю, прошел таможенно, пограничников и вышел из здания. Что-то мягкое и сырое упало на его лысеющую голову. Это птица опорожнилась на лету свой кишечник.

«Господи! Как же хорошо-то! Сразу чувствуется, что я на Родину прилетел! Тут же наложили на макушку, как всегда, будто, и не уезжал никуда!» – подумал Стэнли и благостно улыбнулся.

Денег оставалось в обрез, но оставались еще бриллианты, спрятанные в стене, и наш герой решил не мелочиться, и взял такси до самого дома, по самой, что ни на есть высокой цене. Таксист странно покосился на обкаканную птицей, и так и не вытертую, макушку клиента, и попросил сначала показать деньги.

– Ты что, мля? Не веришь? Да я американский бизнесмен! – разошелся Стэн, – Ай эм эн американ ситизен (I am an American citizen – Я американский гражданин, – англ.), – но деньги все же показал, целых сто долларов.

– Ага, американ! Не трынди, а баблосы – вперед! – сказал уверенно водитель, – знаем мы вас таких, ты хоть лысину-то сраную, утри! Садись уже, не позорь меня перед коллегами, да и смотри, тачку не запачкай, а то еще платить будешь, за моральный ущерб. Вот ить, попался, козел! – шофер вытянул вверх указательный палец.

– Эт-та кто ка-а-а-зелл? – раскатисто проревел Стэнли Рэббит, – сам ты... И еще... И ваще...!!!! – американский гражданин смачно ругался русским матом, долго и с удовольствием. Он был лишен этого в своей любимой и благополучной стране, но здесь...

«Как же хорошо!» – подумал Стэн, – «Я могу материться сколько хочу, пить водяру, и еще... Найду заначку и женюсь на Жеке, хватит уже холостым ходить! Тогда можно считать жизнь удавшейся!» – бывший контрабандист и любовник Евгении Семеновны сладко зажмурился.

Перед глазами засверкали бриллианты и замаечил необъятный зад Евгеша. Стэнли вытер носовым платком птичий помет с головы и сел в такси. Впереди его ждало счастье, огромное и безграничное.

Машина затормозила у подъезда, Рэббит расплатился с водителем, щедро накинув за беспокойство.

– Ты, это, того, не серчай, американец! У меня ж бизнес, – водила обнял Стэна и крепко поцеловал в недавно еще обгаженную макушку.

– Да ноу проблем! Я же понимаю, – Рэббит пожал таксисту руку, и двинулся в подъезд. Он поднялся на этаж и начал ковырять ключом в замке. Замок открываться не хотел ни в какую.

«Что за черт!» – разозлился Стэнли, – «Может, ребятишки баловались?» – о том, что квартира ему уже не принадлежит, он даже не мог предположить.

Время было позднее, идти в отель не хотелось – дорого, да и светиться не стоило. Конечно, он изменился, практически до неузнаваемости, но риск оставался. Рэббит решил выйти на воздух, покурить, подумать, что делать дальше. На лавочке Стэнли закурил. Моросил мелкий дождь, было холодно, дверь не открывалась, но, несмотря на это, бывший российский гражданин чувствовал себя счастливым.

«Не зря же говорят: Родина – это Родина. Она одна бывает», – размышлял Рэббит.

В это время Евгения Семеновна, мокрая, голодная и замерзшая, сидела в кустах, карауля бывшего любовника. Она заметила этого невысокого, плешивого заморыша с усами и бородой, который курил, сидя на лавочке у подъезда, характерно сплевывая.

«Надо же, сплевывает, точно, как Гришка! Удивительно. Гришка – высокий красавец, атлет, с густой шевелюрой, и этот задохлик. А манеры одинаковые», – удивилась Евгеша.

Задохлик, тем временем, встал и легким движением руки отправил окурочек в урну. Попадание было точным, хотя бросок делался издалека. Затем мужчина запрокинул голову, откидывая назад мешавшую челку, и фонарь осветил его лицо.

– Гриня! Ты приехал! – с тихим, почти молчаливым криком бросилась к нему Евгения Семеновна. Она была явно разочарована увиденным. Такого добра хватало и дома.

– Жека, дорогая, как я рад! – Стэнли тоже был в шоке, – за какие-то пару лет Евгеша стала похожа на бегемота, ну, ладно бы только телом – Стэн любил упитанных женщин. Но и на лицо она тоже стала похожа не то на бегемотиху, не то на свинью: маленькие, заплывшие жиром глазки, огромный нос картошкой, и толстые щеки. Жениться сразу расхотелось решительно.

– Гришечка! – бегемотиха пыталась повиснуть на Рэббите, но он ее не удержал, и она бы шлепнулась в лужу, если бы не стоящая рядом лавка. Евгения Семеновна упала на лавку, лавка под ней прогнулась, но, чудом удержалась.

– Слушай сюда, Жека! Во-первых, меня зовут Стэнли. Стэнли Рэббит. Это мое новое имя. Григорий Зайцев, он же Грегори Фокс, погиб, его взорвали в собственной машине. Поэтому более вспоминать о покойнике нет смысла. Во-вторых, что с замком? Я не могу открыть хату? Кого я просил за ней присматривать?

– Гри... То есть Стэнли. Тут такое дело... – Евгения замаялась, – до меня дошли слухи, что ты умер, ну я и решила, квартиру, того... – ей стало страшно.

– Чего – того? – зарычал бывший любовник, – МНЕ НАДО ПОПАСТЬ В МОЮ КВАРТИРУ, – четко произнес он, – ТЫ ПОНЯЛА?

– Но это невозможно! Квартира продана, я тебе все деньги... того... этого... Я тебе новую куплю еще лучше!!! – Евгения Семеновна заплакала.

– Не реви дура, а лучше думай, как хату вернуть! Поняла? Мне эта нужна! И никакая другая, уяснила? Сегодня у тебя переночую, но чтоб завтра же нашла, где мне жить, а то меня выследят. И завтра же – чтоб эта квартира была опять моей.

– Я тебе лучше найду, уже есть пять вариантов, дома покажу, – Жека начала заикаться.

– Варианты – это хорошо, но мне нужна МОЯ хата, или ты – тупая? Я не понял?

– Но, там, понимаешь, люди живут, ремонт делают, обратно – не получится, – Евгения Семеновна испугалась так, что у нее застучали зубы.

– Ремонт? Ремонт! – Стэнли был в ужасе. А что, если? А как тогда?

Он понял только одно: надо в квартиру попасть и достать бриллианты, а сама квартира – слишком уж хорошее место, чтобы его найти. Жека права, надо купить другую.

«Сегодня, так и быть, переночую у нее, а завтра решу, как быть дальше. Только бы не приставала, а то, боюсь, меня стошнит. Разве что морду пороссячью накрыть чем-нибудь, тогда оно ничего будет», – оптимистично подумал Рэббит.

Евгения Семеновна отвела Стэнли к себе домой, щедро накормила жареной картошкой с грибами и солеными огурцами, подала водочки в запотевшем графине. «Американец» разомлел и подобрел.

– Ох, Жека! Как же хорошо! А то я в своей Америке от нормальной пищи отвык совсем! Надоело! А поехали со мной, вот дела свои обстрипаю, и поедем! Готовить мне будешь! – улыбнулся Рэббит.

– Ага! Как же! Разбежался! Готовить! Ты себе кухарку найми, коль такой богатый! – обиделась Евгеша.

– Я-то найму! Еще как, найму! – раздухарился пьяный любовник, – но ты ведь мне должна, должок за тобой! – он помахал крючковатым пальцем перед носом Евгении Семеновны. Та вдруг испугалась.

– А я – что? Я – завсегда! Квартирку завтра подберем, за моральный, так сказать, ущерб, доплачу, коль надо, ну и, – она вдруг вскинула вверх свою мощную ногу, как гимнастка, и коснулась пальцами кончика носа Стэнли.

– Нет, Евгеша, давай без «ну и...», обойдемся, – Рэббита вдруг затошнило, то ли от выпитого, то ли от неприятия мощного тела любовницы.

Даже странно, как, еще несколько часов назад, он мог мечтать о таком ужасе. Вроде, столько насмотрелся на полных, даже тучных женщин, в своей Америке, что вдруг, потянуло на стройных и воздушных созданий. Впрочем, воздушные создания таким вряд ли заинтересовались бы.

«Как же достать бриллианты из тайника»? – не покидала Стэнли мысль.

– Жень, слышь? А кто хозяйева? Что молчишь-то?

– Мне не о чем с тобой говорить, – Жека картинно смахнула слезу, – я ждала тебя, как Ассоль своего Грея, как Джульетта – Ромео, как... – она замолчала, решив, что раз не может ничего больше вспомнить, то лучше сделать многозначительную паузу.

Но ее другу было все равно. Он прочел в своей жизни, возможно, только две книги – букварь, и то не до конца, и Уголовный Кодекс. Последнюю Рэббит знал досконально. Никаких таких Ромео, Джульетты и Ассоль с Греем в бессмертном творении не упоминалось. Поэтому он спросил осторожно:

– Чего ты греешь? Я не понял? Мы поели уже вроде?

– Ты! Ты... – Евгеша сделала вид, что разрыдалась.

– Ну, ладно, хватит плакать! Я люблю тебя, – он сделал над собой гигантское усилие, чтобы сказать эти слова, но, так было надо.

– Правда? – Евгения Семеновна округлила глаза. Это уже было лишнее.

– Конечно, правда, моя... Мммм... Свиночка! Люблю, готов жениться, не забыл, так сказать... – Стэнли понесло, он понимал, что все это не имеет ни малейшего отношения к действительности, но отступить было поздно.

«Ничего, найду заначку, разберусь с этой хм... свинкой».

– А... О... Я думаю, не стоит так спешить! – Евгеша тоже была явно не в восторге от услышанного, но приходилось терпеть. Да и мужика у нее не было давно, а в этой ситуации даже такой плешистый заморыш мог сгодиться. Тем более, раньше он такие фортели выкидывал – будьте-нате.

Она закрыла глаза и приготовилась. Через минут пять стало понятно, что что-то не так. Жека открыла глаза: любовник сидел за столом и снова с вождением жрал картошку, запивая водкой и зажевывая соленым огурцом.

Евгения Семеновна малость обиделась, что ее телесам предпочли еду, но тут же успокоилась. «Значит, не будет он на мне жениться, вот и отлично!»

– А скажи-ка, любимая! С чего-й-то ты взяла, что я... – он задумался, подбирая слова, – что я... сдох? – вдруг выпалил Стэнли.

– Мне сказали... Дошли слухи... – Жека не знала, что говорить.

– Какие еще слухи! Ты с Крокодилем общалась? Сволочь! – Рэббит сплюнул прямо на блюдце, – или ты в Интерполе узнала? Говори!

– Гена пришел ко мне и сказал, чтобы я не ждала тебя, ты погиб в Соединенных Штатах, – как можно спокойнее невинно произнесла Евгения Семеновна.

– Он знает, что я приехал? – сурово спросил Стэнли.

– Я... Он... Короче говоря, я испугалась, что ты узнаешь про квартиру и с Геннадием посоветовалась, – Евгеша увидела злобный оскал любовника и вся позеленела от страха.

– Ты – полная дура! Дура, да еще и полная, то есть жирная, – скаламбурил зло Рэббит, – это Геночка твой дорогой заказал меня тогда, в Штатах. И если бы не счастливый случай, ну для меня счастливый, а не для того бедняги, кому я тачку одолжил... Меня бы уже не было! Поняла!

– Гришечка, любимый, я ж не знала, прости, – Жека кинулась в ноги любовнику.

– Ладно, вставай, давай! Какая же ты сука! Теперь надо думать, что сказать Крокодилу, то есть Геннадию, – оскалился Стэн.

– Может, скажем, что это приехал какой-то твой друг, которому ты квартиру в наследство оставил. Документы подделаем... Ой... Да и зачем, он должен и так поверить.

– Да, версия хреновая, но, давай, так и скажем! – согласился Рэббит. Другого выхода он не видел.

«Главное, чтобы никто не узнал, что у меня алмазы в стене замурованы. И как их достать?» – ответов на эти вопросы у него не было.

Ночь прошла спокойно. Стэнли, накушавшись так давно не виданной русской водки, уснул прямо на ковре около дивана. Евгения Семеновна, трезвая, злая и обеспокоенная, так и не сомкнула глаз в своей спальне.

Столько еще предстояло решить вопросов, причем, отнюдь, не таких простых. Она погладила себя по мощному бедру и подумала, что, видимо, придется идти на жертвы. А кроме своего необъятного тела у Евгеша еще были деньги. Денег было еще больше, чем тела, да и жаль их становилось, тоже все больше и больше. Утром Жека позвонила Гене Волкову.

– Знаешь, Геннадий, мы ошиблись! Это вовсе не Григорий приехал, а его американский друг, Стэнли Рэббит, которому была оставлена в наследство квартира.

– И чего хочет этот корявый америкос? – спросил Крокодил.

– Квартиру хочет, я уже нашла ему новую хату, так что не волнуйся, все под контролем! – ответила Евгения Семеновна.

– Ладно! Все это хорошо, но я, все же прослежу за этим кентом! Вдруг че! Гриня, ведь мне должен остался, знаешь же! Или у тебя баблосы? – зарычал Гена.

– К-к-какие баблосы, ты о чем? – Жека, и вправду ни о чем не имела представления.

Пробуждение Стэна было тяжелым. Давно забытая водка снесла крышу под самое основание. Но, тем не менее, настроение оставалось радостным.

«Родина – это навсегда. Что бы ни случилось, Россия не даст пропасть», – так думал бывший российский гражданин, а ныне – американец Стэнли Рэббит.

– Гришенька! Ой, то есть, Стэнли! – насчет Генки – не волнуйся, но будь осторожен, он что-то подзревает, вроде.

– Да, ну, тебя, Жека! Мать твою! Опять какая-то х...ня! – Стэнли протрезвел и был готов ко всему. Он обнял Евгению и смачно поцеловал в самые губы, – может, уже?

– Нет! Подожди! Я же сказала – будь осторожен! Мало ли?

– Отлично! Квартиру ты мне сегодня же предоставишь – сказала ведь, а остальное – сам решу. И не домогайся больше! Поняла!!! – проорал Рэббит.

– Все поняла. Договорились. Квартира – вечером, – как на автомате твердила Жека. А Стэнли думал, как бы ему попасть в свою старую квартиру и забрать бриллианты. Вариантов не было... Или почти не было.

Вдруг Рэббиту в голову пришла, как ни странно, довольно здравая мысль. «А что, если притвориться рабочим, попробовать устроиться в мою квартиру ремонт делать. И тогда я, как раз смогу»... Это было гениально.

– Жень, вечером квартира чтоб была, я переезжаю. Генке скажешь, как договорились, поняла? И в мои дела – не лезь! Ты уже и так натворила тут! И бабла подкинь! Обещала же – за моральный так сказать... ущерб.

– Деньги – вот, бери, прям сейчас, – Жека протянула толстенькую пачку, – ну, я же виновата, так что... – она еще надеялась, что деньги любовник не возьмет.

Но он взял их с удовольствием, пересчитал, поцокал языком и покачал головой – мол, маловато будет. Евгеша потупила взор: больше наличных у нее не было.

– Все, Евгения! Я пошел по делам, надо будет – сам тебя найду, до вечера, лапа моя, – Стэнли оглядел себя – он выглядел таким грязным и занюханным, что даже переодеться не было необходимости. С одной стороны это было здорово – «слился с окружающим рельефом», как любил говаривать его отец, а с другой – грустновато: уж больно он был потрепанным.

«Вот ведь жизнь! Даже Америка не сделала из меня человека», – загрустил Рэббит.

Глава 3

Ежиков решил не задерживаться более на Черноморском побережье. История с лодкой несколько выбила его из колеи, к тому же деньги стремительно таяли. Поэтому, Виталий Александрович взял билет на ближайший рейс. Прилетел он в Москву ночью, такси брать не стал, пересидел в аэропорту, а с первым автобусом приехал домой.

Несмотря на то, что Ежиков тщательно помылся перед отъездом, запах рыбы его преследовал, он тянулся шлейфом. В самолете и в автобусе люди шарахались от странного пассажира. Ежиков чувствовал себя странно – с одной стороны никто его не толкал, не пихал, он мог выбирать себе любое место – рядом садиться никто не хотел. С другой стороны, было обидно, что запах уничтожить не удалось.

«Возможно – это вопрос времени. А если я всегда буду так пахнуть?» – Виталий Александрович испугался не на шутку, но, все же, он был оптимистом по жизни, поэтому решил: «Дома приму ванну с пенами разными, с солями, буду ароматным, как роза».

Ежиков прошел мимо спавшего, как обычно, на коврике перед дверью, соседа. Сегодня сосед спал в обнимку с собакой, уткнувшись носом в собачье ухо. Он осоловело и недоуменно, посмотрел на Виталия Александровича, затем кивнул, и опять провалился в сон. Ежиков тихонько открыл дверь. Дома все спали. Кроме тестя. Мышидзе делал в прихожей зарядку.

– А, Виталий, привет! – громко сказал Григорий Константинович, – хорошо, что ты приехал, сейчас чайку попьем, поговорим, а то эти лентяи теперь полдня спать будут. А ведь уже шесть утра, пора вставать уже давно!

– Доброе утро, – прошептал Ежиков, – вот, прямо с самолета.

– Ты сегодня – на работу? Надо, надо работать! – покачал головой тесть.

– Да я, вообще-то отдохнуть денек планировал, – замялся Виталий Александрович.

– Нет, ты обязан выйти на работу сегодня же! Какой отдых? – Мышидзе был непреклонен, – кто же будет план выполнять, если каждый захочет отдохнуть. Надо работать! Иначе это жулье всю страну растащит по кусочкам! Вон, понастроили тут, – тесть мотнул головой куда-то в неопределенную сторону.

Ежиков потихонечку проскользнул в комнату – жена спала сном младенца, улыбаясь чему-то во сне.

«Вот бы всегда была такой – молчит, улыбается. А она даже красивая, когда спит», – умилился Виталий Александрович.

Он хотел уже было прикорнуть рядом, но в комнату влетела разбуженная громовым голосом деда Леночка.

– Папка приехал! Ура! Что привез? – поинтересовалась она и повела носом, – ты, пап, рыбу, что ли привез?

– Нет! Я привез тебе бусы из морских ракушек. Они пахнут морем, – нашелся Ежиков. Леночка на море еще ни разу не была, поэтому поверила, что море пахнет именно так. С женой, видимо объясняться будет сложнее. Инна потянулась и открыла глаза.

– Привет, Еж! Как дела? Жаль, что не получилось вместе пожить в Сочи, ну да ладно, зато, ты быстро приехал. Ты рыбки привез к пиву? – поинтересовалась жена.

– Нет! Папа мне бусы привез. Вот, смотри! – дочка протянула маме подарок.

– Не понимаю? А чем так пахнет? – у Инны было весьма тонкое обоняние, – ты что, упал в чан с рыбой?

– Просто... – Ежиков не хотел рассказывать о своем приключении, поэтому придумал отличную, как ему казалось версию, – я ездил на бывший рыбозавод. Его будут перестраивать в гостиницу, хотели нам эту работу предложить. Но я отказался – очень мало денег предложили.

– Странно, рыбозавод – в гостиницу... – протянула Инна.

Но потом подумала, что в наше время чего только не бывает. Тем более Ежиков стал показывать многочисленные безделушки, купленные жене, а Инка очень любила подарки, причем ценность их не имела для нее значения – главное, чтобы подарки были. А они были, и их было много: тут и сосновые шишки, и морская галька, и даже – тарелка на стену с изображением города Сочи.

Жена с тещей собирали тарелки. Они привозили их сами из любых поездок, им дарили тарелки друзья и родственники. Стен уже не хватало, но они все собирали и собирали. Инка

сказала, что в случае чего тарелки можно вешать на потолок. И все согласились – потолок так потолок. Может, хоть тарелками удастся закрыть дыры в обоях и трещины в штукатурке. Чем больше тарелок – тем меньше заметно отсутствие ремонта.

Ремонт делать не хотел никто. Ежикову всего этого хватало на работе, тесть был занят огородом, его больше привлекала селекция новых видов растений. Потому настенные сувениры не только радовали глаз, но и отвлекали внимание.

«Были бы эти тарелки побольше – во всю стену прям, тогда вообще никаких хлопот. Прилепил – и ремонт не нужен», – мечтал иногда Ежиков.

– Виталик, что – то я не вижу нескольких твоих вещей? – спросила жена, разбирая сумку.

– Не знаю, может, я и не брал их вовсе, – попытался отвертеться Ежиков.

– В шкафу их тоже нет, ничего не понимаю, – у Инны закралась мысль, что, возможно, муж ей изменяет.

Она, правда, никак не могла связать этот факт с пропавшей одеждой, но мысль никак не уходила. Собственно, мыслей у Инны в голове было, как правило, не так много, потому, каждую из них Ежикова холила, лелеяла, и подолгу не отпускала. А эту она бы и рада была выгнать, но та засела в мозгу, как заноза, и не давала покоя. Причем, проверить свои опасения, было решительно невозможно.

«Связался, наверно, с какими-то...» – Инна похолодела, представляя, как женщины легкого поведения рвут на ее муже рубашку, штаны, и даже трусы.

Думать о таком не хотелось. Тем более, что довольный, милый, домашний Ежиков весело возился на диване с дочкой, примеряя ей многочисленные украшения, привезенные с моря.

– Инна, можно тебя на минуточку, – прозвучал вкрадчивый голос тещи.

– Мама, ну что еще? – жена Ежикова была недовольна. Как всегда, мать в самый неподходящий момент влезает со своими вопросами.

– Инна, я не понимаю! Твой муж опять меня проигнорировал, он не поздоровался, не сказал: «Доброе утро», – голос Варвары Петровны дрожал, она уронила в носовой платок крупную слезу, – мне очень плохо, а вы...

– Мам, Виталик только прилетел, устал, давай потом поговорим, – Инна развернулась, чтобы идти в свою комнату.

– Нет, сейчас! – мать наступала, – значит, пиво пить – он не устал, а поздороваться с тещей...

– Какое пиво? – Инна растерялась.

– А такое! От него рыбой несет за версту! Значит – и пиво было! – теща усмехнулась, – мог бы угостить, рыбкой-то, да и пиво я бы выпила.

– Тебе же плохо, о чем ты? Все, оставьте нас в покое. Никто ничего не пил, хочешь, иди, обнюхай Виталика, – объяснять все матери у Инны не было сил.

– Ах, так ты с матерью! Как ты можешь? Кому сказать это – ужас! Так себя вести с родной матерью! Теперь лежать три дня буду, – Варвара Петровна заохала и застонала.

– Виталик, ты сегодня работаешь? – спросила Инна.

– Нет, Юрик пусть повкалывает, я ему позвоню, а то, он, похоже, пока меня не было, на объекте не появлялся. Хозяева звонили, жаловались. А я сегодня подремлю, устал очень.

Юрик работать не хотел, как не хотел и вчера, и позавчера, как, он был уверен в этом, не захочет и завтра. Но раз надо, то надо. Деньги с неба не упадут, пришлось ехать на объект. Самым печальным было то, что пить сегодня нельзя никак. Он один работает, даже прикрыть будет, в случае чего, некому. Поэтому, придется держаться.

Юрик посмотрел на часы – до вечера оставался целый день. День без водки, и даже – без пива. Это было тяжело осознать, а еще тяжелее – пережить. Скрепя сердце и выпив, чтобы отвлечься, крепкого кофе, Юрик приступил к работе. Он думал о том, как повезло Ежикову,

что у него есть постоянная крыша над головой, что он – главный на работе. Но более всего его мысли занимало одно: скорее бы вечер, чтобы можно было, наконец, выпить.

Вдруг, его размышления прервал стук в дверь, потом – чуть громче, потом – еще. Юрик на цыпочках подошел к двери и осторожно заглянул в глазок. Перед квартирой стоял какой-то лысый потертый ханурик, более всего напоминавший своим обликом бомжа.

– Кто? – спросил Юрик.

– Это, я тут, того... – замялся мужик, – вам работники не нужны?

– Шефа сегодня не будет, а я эти вопросы не решаю, – отрезал Юрик.

– Мне так работа нужна, я могу даже за небольшие деньги, подсобным рабочим, к примеру, – ханурик не уходил.

– Нет, я сказал, не могу!

– А ты позвони своему шефу, – взмолился Стэнли (а это был, как вы уже догадались, именно он).

Чуть поколебавшись, Юрик решил позвонить Ежикову.

«Может, чуть полегче работать будет», – мелькнула у него мысль.

– Вита, тут какой-то мужик, спрашивает, не нужны ли нам рабочие, что сказать?

– Какой еще мужик?! – Юрик разбудил Ежикова и тот был очень зол, – на двоих хозяйских денег не хватает, куда еще-то?

– Он говорит, подсобным рабочим, за копейки. Может, пусть, поработает, а? – с надеждой спросил напарник.

– Ладно, – согласился, наконец, Ежиков, – пусть пару дней поработает, попробуем, там видно будет. Но присматривай за ним, а то испортит что-нибудь...

Юрик пошел открывать дверь.

– Давай, заходи, мужик, шеф разрешил на пару дней тебя взять. Будешь хорошо работать – оставит. Как тебя зовут-то?

– Ст... – Рэббит даже не успел ничего придумать, – Степан меня зовут, – он увидел, что Юрик мечтает о выпивке и решил этим воспользоваться, – может, за знакомство?

– Нет, Степа! На работе я – ни-ни. А после – с удовольствием, но ты ставишь.

– Договорились, – Стэнли не хотел ждать, да и тратить деньги на этого забулдыгу было жалко, но, делать нечего, придется.

Он вошел в квартиру, замирая от близости вожаденных бриллиантов, прошел в комнату и увидел, что стены, попросту нет. Стэнли стало плохо, закололо где-то в области сердца. Так ему, во всяком случае, показалось.

– А это – что? – только и смог спросить Рэббит перед тем, как провалился в небытие. Очнулся он от того, что новый напарник обильно поливал его водой из чайника.

– Ты чего, Степа? Как так? – Юрик решил, что мужику стало плохо от голода или от чего-то в таком духе, – Степ! Ты, может, того, завтра на работу выйдешь?

– Нет! – героически возразил Стэнли, – я сегодня буду работать, щас, только оклемаюсь чуть-чуть. А что у вас тут стена была раньше, где она?

– Так, сломали, арку будем строить, а ты откуда знаешь? – удивился Юрик.

– Я? Нет, ничего не знаю, только вижу, что была стена, я ж не первый день в строительстве, – гордо похвастался Стэнли.

Он понял, что брюлики уже где-то в другом месте, но вот где, и кто их нашел?

«Этот придурок точно не в курсе, слишком уж все видно по его тупой роже, сразу понятно, не у него. Надо посмотреть на второго. Хотя я бы на его месте, если б нашел – был уже далеко, но, чем черт не шутит. Хозяева вряд ли в курсе, не сами же они стену эту, мать ее так, ломали. Значит – второй. Что ж, будем над этим работать», – подумал Рэббит.

Поработали часа два. Потом Юрик сломался. Не было больше мочи терпеть.

– Все, на сегодня – хватит, Степа! Сбегай-ка ты за пивком. Ты и так сегодня – герой. Да закуски возьми, а то ты – голодный совсем, – сказал он.

Степа – Стэнли не заставил себя ждать и порысил в магазин.

В это время Ежиков спал. Леночка была в садике, теща с тестем ушли на дачу, в квартире было тихо. Инна сидела за компьютером и писала книгу. Виталий Александрович оторвал голову от подушки.

– Инка, хватит уже писать свои «сопли в шоколаде», – так Ежиков называл женские романы. А жена писала именно такой, – написала бы, лучше, что-нибудь жизнеутверждающее.

– Да ну тебя, у меня, может, и «сопли в шоколаде», а у тебя, что? «Шоколад в соплях», или что там? – Инна разозлилась.

– У меня – вообще все в шоколаде, – улыбнулся Ежиков, вспомнив про найденные драгоценности.

Надо было как-то их применить, а то какой смысл? Но сделать это надо было очень осторожно. Говорить нельзя никому. Виталий Александрович задумался. Он вспомнил одного старенького ювелира, Моисея Соломоновича, у которого делал ремонт год назад.

«Вот, к кому надо обратиться», – решил Ежиков и просиял. Об его руки терся кот. Ежиков хотел было кота погладить, как вдруг, почувствовал характерный запах.

– Ах ты, паршивец! – заорал Виталий Александрович.

Кот наложил большую кучку прямо на диване, у самых ног хозяина. Ежиков минут десять гонял кота по квартире шваброй, жутко матерясь, потом устал и сел на пол. Кот подошел к Виталию Александровичу и потерся об него своей теплой, мягкой, пушистой спиной. Первым порывом Ежикова было вышвырнуть кота из квартиры или побить, или... Хозяин был очень зол. Но кот, такой нежный, теплый, родной умоляюще смотрел своими зелеными глазищами на Ежикова, как бы извиняясь. И сердце Виталия Александровича дрогнуло. Он поцеловал хулигана прямо в мокрый нос и сказал:

– Прощаю тебя, но в следующий раз... – что будет в следующий раз Ежиков так и не придумал.

Он решил, что надо съездить на работу, тем более, что телефон Юрика не отвечал.

«Наверняка уже нажрался, скотина, ну ничего без меня не может, уволю, на фиг!» – подумал Виталий Александрович.

– Ин, ты тут за Мурзиком убери, я – на работу.

– Я занята, – многозначительно сказала Инна, – не мешай, сам убери.

– Все самому приходится делать! – констатировал Ежиков, однако за котом убрал и даже положил в кошачью миску еды.

Мурзик благодарно замурлыкал и улыбнулся. Во всяком случае, Виталию Александровичу так показалось. Ежиков подумал, как хорошо быть котом: кормят, целуют, любят.

«Эх, был бы я котом», – он представил себя полосатым упитанным котиком, лежащим на диване.

Все несли ему еду, игрушки, накрывали теплым одеялом. Даже теща. Это было особенно приятно. Только вместо кошачьей морды у него было свое собственное, Ежикова, лицо, счастливое и довольное. Виталий Александрович даже потряс головой, так реально было видение.

Он нашел свою заветную баночку, проверил – изоляция не нарушена, внимательно всмотрелся – вроде все на месте.

«Сегодня, нет, лучше завтра, возьму один камушек, и к ювелиру», – Ежикову было одновременно страшновато и интересно, чем же он владеет.

На работе все было, как всегда. Сделано, практически, ничего не было.

– О! Шеф пришел, – расплылся в пьяной улыбке Юрик, – давай, Вита, с нами, хлопни пивка!

– Я ж тебе, засранцу, говорил, – сначала работа, потом – все остальное, а ты что? – разозлился Ежиков.

Еще больше он разозлился, когда увидел нового работника. Тот был, казалось, пьян еще сильнее Юрика. Хилый, плохо одетый. Было видно, что физической работой заниматься ему будет тяжело.

– Да ладно, Виталик! Это – Степа! Он нам помогать будет. Он такой специалист! – Юрик икнул и глупо улыбнулся.

– Специалист! Да вы, паразиты вдвоем сделали меньше, чем ты один обычно делаешь. Что, оборзел совсем? Я тебя кормлю, а ты? Выгоню, на хрен... – Ежиков смачно выругался и сплюнул сквозь зубы, – ладно, на сегодня – пошли вон оба, а завтра чтоб, как штык и трезвые.

Работники спешно подхватили свои вещи и хотели забрать остатки пива, но под грозным взглядом шефа смутились и вышли из квартиры. Виталий Александрович оглядел фронт работ и решил-таки хлопнуть... В смысле, оставшегося пивка. Он хлопнул, стало веселее, потом хлопнул еще, потом допил пиво и засобирался домой.

У подъезда в задрипанной «Копейке» сидел в засаде Крокодил. Он следил за квартирой и хотел понять, кто же все-таки приехал из Америки: сам Гришка Лис или, действительно, какой-то там наследник.

В Стэнли Рэббите он бывшего подельника не опознал, хотя было понятно, что это именно тот человек, про которого говорила Жека.

«Не, это не Гриня! Тот ростом выше был, да и хилый этот какой-то. И одет, как лох. Лис, тот модником был».

Однако наблюдение Гена не снимал, «А вдруг этот наследник не один прилетел, или, может, дело не только в хате. Как-то странно мужик себя ведет». Из подъезда вывалились совершенно пьяные Юрик и Стэнли, и затянули песню.

– Ой, мороз, мороз! – пели они, направляясь в сторону дома Евгении Семеновны. Гена потихонечку поехал за ними.

«Странно, куда это они собрались, и кто этот второй хмырь? А, это же рабочий!» – догадался Крокодил, – «А второй – там, на хате остался. Ну да ладно, главное – этот, раз американец к нему прицепился. За тем потом прослежу».

И вдруг у него родилась отчаянная мысль. Геннадий, в прошлом, актер детского театра, пошедший впоследствии по кривой дорожке, был мастером перевоплощений. В машине у него валялось несколько костюмов, в которых узнать его было невозможно. И самый лучший, в смысле маскировки, был, конечно же, наряд Деда Мороза.

«А, была-не была!» – решил бандит, – «Только так я смогу подобраться к нему поближе, чтобы понять – Гришка это, или еще кто. И если это Гришка!..» – у Крокодила аж дыхание перехватило от предвкушения возможной добычи.

– Эй, добры молодцы! Помогите дедушке найти Пятую Заводскую улицу! – наперерез пьяной парочке бросился самый настоящий Дед Мороз. Юрик глупо захихикал.

– Ты че, дед, только проспался, что ли? Весна уж на дворе, – Юрик pokrutil пальцем у виска.

Второй молчал, подозрительно вглядываясь в деда, словно пытаясь разглядеть его лицо, что было совершенно невозможно.

– Конечно, каждый может обидеть артиста. Я работу свою выполняю, откуда мне знать, может, у кого-то, аккурат, сегодня, Новый Год и есть, – Дед Мороз вдруг как-то неловко поскользнулся и начал падать прямо на Стэнли, хватая того за одежду, за бороду и остатки волос на голове.

– Совсем ополоумел, что ли? – Рэббит, не узнав бывшего подельника, что было весьма сложно в таком наряде, с силой оттолкнул от себя навязчивого мужика.

Тот махнул пару раз руками, как крыльями, будто пытаюсь взлететь. Однако полет закончился, так и не начавшись, приземлением в лужу.

– Ой, дед, а давай мы тебе поможем! – вдруг ожил, до этого молчавший, Юрик, он бросился поднимать Крокодила, но не удержался и сам со всего размаха упал в ту же самую лужу.

Оба сидели в луже грязные по самые уши. Сердобольный Юрик попытался подняться сам и помочь другу по несчастью, хватая того за костюм. Но Дед Мороз вдруг рявкнул:

– Да отстань ты уже! Иди своей дорогой, я лучше здесь посижу, – и гордо выпрямился, повернувшись к Юрику спиной, показывая всем своим видом, что разговор закончен. Юрик кое-как встал, вытер ладони носовым платком и ехидно сказал:

– А улицы здесь такой нет, понял! А где есть, я бы тебе сказал. За... Тыщу рублей, но теперь не скажу, сиди тут, смотри не растай только, – он противно захихикал.

Миссия была выполнена. Конечно же, хоть и не без труда, Крокодил узнал поделщика.

«От ведь, Гришка – гад, живучий, падла! Запаршивел, конечно! Да, что с людьми Америка делает! На Родине-то оно завсегда лучше!»

Но главное было понять, что можно с этого поиметь. Ясно же, что не за жилплощадь приехал Лис. Значит что-то все же осталось. Но где? Интуиция подсказывала Геннадию, что не один он задастся этим вопросом. Иначе, зачем бы ему понадобились эти рабочие.

Становилось интересно. Азарт – вот что всегда было для Крокодила главным. Но и цель, тоже, манила, тем более, Гена не знал – сколько? И этот вопрос мучил его, пожалуй, даже сильнее, чем другой – где?

Стэнли, хоть и не смог разглядеть бывшего поделщика, однако, понимал, что все это неспроста. Он тоже не знал – где, и как найти, зато он четко представлял, что ищет. И это его грело. И еще Рэббит понимал, что нужно быть осторожнее, что придется опять прятаться. Жаль, что нельзя сегодня же улететь в такую, пусть и скучную, но надежную Америку. Но – увы, денег не было, а без них он никому там не нужен.

– Жека! Это я – Степан! Мы пришли, с другом! – громко крикнул Стэнли с порога, – знакомься, это – Юрий, мы вместе работаем!

– Вы вместе – что? – брови Евгении Семеновны взлетели от удивления под потолок, – я не ослышалась? Ты на работу устроился? Очень приятно, – Евгения, – кокетливо опустила глазки Жека.

– Очень, очень рад встрече! – Юрик кивал головой, как китайский болванчик, понимая, что вот он – шанс. Он как раз недавно поссорился с очередной любовницей, жить было, практически, негде. А тут, такая шикарная женщина – ему нравились крупные дамы постарше.

– Да Вы проходите, не стесняйтесь, – Евгеша, как бы невзначай распахнула халатик, из-под которого стали видны мощные ноги, – ой! Пардон! Я не ждала посторонних, простите. Степан – мой дальний родственник, понимаете...

– Что Вы, что Вы, – церемонно начал Юрик, не зная, что же еще сказать такой культурной во всех отношениях женщине, и поэтому решил помолчать. Он переминался в прихожей с ноги на ногу, будто ему срочно было нужно в туалет, но пройти в квартиру не решался.

– Степочка! Можно тебя на минутку! – Жека подобрала для бывшего любовника квартиру и даже, благодаря обширным связям, выправила на нее все документы, и теперь мечтала скорее избавиться от Стэнли. Пусть съезжает. – Кто этот очаровательный молодой человек? Ты что, правда на работу устроился, и почему ты – Степан?

– Жень! Я устроился на работу, чтобы хоть на что-то жить, понимаешь? А Степан – чтоб проще было, здесь же Россия. Хату нашла? – он схватил Евгению Семеновну за грудки, – и чтоб без фокусов. Никто не должен знать, кто я. А то... Убью и все, – буднично констатировал Стэнли.

– А кто этот очарова... – снова начала Евгеша кокетливо.

Юрик, при всей его бедности и склонности к алкоголизму, был молод, и даже вполне симпатичен. А когда женщине слегка за... Впрочем, не будем раскрывать все тайны. В общем, молодой человек ей очень понравился. Темпераментной Жеке не терпелось показать юноше все свои прелести.

– А? Этот... Бери, пользуйся, но учти, про меня – молчок! Мы вместе с ним работаем. Да, и еще – смотри на водяре не разорись, он пьет, как конь, – басом захохотал Рэббит, – давай ключи, документы на квартиру, адрес, и я пойду. Отвык я так бухать.

Евгеша вынесла ключи в прихожую.

– Там мебель, ремонт хороший, вот – бумаги все на квартиру. Тебе понравится. Что же, поужинать не останешься? – она, как бы нечаянно, оголила плечо.

– Нет, не останусь, сыт я, Женя. Юрий с удовольствием составит тебе компанию, – поморщился Стэнли.

– Проходите же, Юра, можно я так буду Вас называть? – глаза Евгении Семеновны вращались, как центрифуга, она считала, что именно так нужно «строить глазки», мощная грудь вздымалась, не скрывая волнения.

– Конечно, можно, ведь я же намного моложе Вас, Евгения... э-э-э, не знаю Вашего отчества, – сказал вежливо Юрик, и вдруг понял, какую глупость он сморозил. А вдруг она обидится и не возьмет его к себе жить. Опять на объекте ночевать?

– Простите, я хотел сказать, мы так мало знакомы, я смущен, – Юрик потупил взор, его словарный запас закончился, далее было лучше всего молчать. Это у него получалось лучше всего – молчать с самым невинным видом, как провинившийся детсадовец. Почему-то именно это так располагало женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.